

Раздел 2 КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82 (091) (4 УКР=КРМТАТ) Ю 36

ТВОРЧЕСТВО ШАКИРА СЕЛИМА: ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ

Юнусов Ш.Э.

В статье на основе эпического сказа крымскотатарского поэта Шакира Селима «Къырымнамe» рассматриваются вопросы преемственности, архитектоники и авторской позиции.

Ключевые слова: мотив, пафос, крымскотатарская лирика, собирательный образ.

Необходимость постепенного отвыкания от синдрома депортированного как психологии, тормозящей динамику естественного развития, сопряжена с активной интеллектуальной и практической деятельностью во всех сферах нашего бытия. Постепенное воспитание потенциально конкурентоспособных молодых людей выносит на повестку дня и такую проблему, как «косвенное воспитание» через искусство, где художественная литература должна играть немаловажную роль.

А где эта литература и разве это литература? Ведь она представляет собой некий синтез национального и чуждого, другими словами – пример космополитизма, скажете вы. И будете отчасти правы. Но бросаться в крайности и делать софистские выводы не стоит, ибо развитие художественной литературы никогда не прекращается, а бывают лишь времена застоя и динамики. Шамиль Алядин в свое время высказал мысль, что всю нашу семидесятилетнюю литературно-художественную продукцию надо выбросить. Переживания такого маститого прозаика можно разуместь, однако нельзя забывать, что определенный процент создания высокохудожественных произведений всегда имел место. В поствоенный период их создавали Амет Озенбашлы – «Дюнюмизин джанлы левхалары» («Живые мотивы нашего прошлого», 1954), Эшреф Шемьзаде – «Козьяш дивар» («Стена слез», 1958-59), Шамиль Алядин – «Иблисининъ зияфетине давет» («Приглашение к дьяволу на пир», 1979) и др.

А между тем в нашей литературе последних лет наметились позитивные тенденции, примером чему может служить, например, проблема исторических прототипов в незавершенном романе Шамиля Алядина (1912-96) «Ту-

гъай-бей», типическое в прозе старейших писателей Ибраима Паши, Рустема Муедина и начинающей Гульнары Усеиновой, попытка Исы Абдурамана посредством художественной формы показать своеобразие родного языка (поэма-дестан «Тамыр» – «Корни»), философские мотивы в стихах Идриса Асанина и, конечно же, социально-психологический и ментальный аспекты в романе Айдына Шема «Нити судеб человеческих». Особо надо отметить, что по части создания глубоко художественных и исторически реалистических произведений преуспела наша московская диаспора (Эрнст Кудусов, Якуб Бекиров, Эдем Оразлы, Рефат Аппазов). Названные и неназванные произведения можно объединить под общим мотивом осмысления далекой и близкой истории народа, читая которые, невольно задумываешься над той банальностью, что времена цензуры ушли в прошлое, дав творцам возможность раскрыть свой истинный талант [1, с. 63-75].

Но **целью** нашего исследования является творчество другого художника слова – Шакира Селима, автора дестана «Къырымнаме» [2], который, пожалуй, можно назвать явлением в новейшей крымскотатарской литературе.

Не нами замечено, что скороспелое произведение порою быстро меркнет. Над отмеченным же эпическим сказом поэт работал около десяти лет. Поэтической зрелости Шакира Селима предшествовали долгие годы. Сообразно социально-политической ситуации, его творчество не обошлось и без некоторых дифирамбов «родной партии». Однако в его лирике всегда чувствовалось нечто задушевное и искреннее, умение же выразить это нечто ниспосылается свыше.

О новом повороте в творчестве поэта в пострепатриационный период говорят мотивы покаяния за свои ошибки, сожаления по безвозвратно упущенным возможностям («Пешман» – «Раскаяние»), беспристрастной оценки социальной и ментальной болезни народа, обращение к истокам («Яралангъан гюркюлер» – «Раненые песни», «Багъчасарай»).

Известно, что, если целью настоящего художника является создание высокохудожественного произведения, то к задаче литературоведа относится его аналитическое рассмотрение. В этом контексте и привлекает наше внимание вышеупомянутый дестан, который, про всем его оригинальном решении остался почти незамеченным. Помнится, в одной из статей Шакир Селим своего наставника Эшрефа Шемьи-заде назвал «одним из чудес крымскотатарской поэзии XX века». Присущая перу и, соответственно, полету мысли последнего особенность создавать в отдельных своих произведениях широкую историческую панораму с подобающими лирическими отступлениями («Днепрльстан» (1931 г.), «Козьяш дивар» – «Стена слез») оказала естественное влияние на творчество нашего современника. Но кроме этой связи есть не менее прочная нить – нить, связующая не столько поколения, сколько века.

Один конец этой нити – в руках у общепризнанного поэта средневековья Ашыка Умера с его метафорично-поэтическим обращением к творцам своей эпохи, названным «Шаирнаме». Изысканность выражений, филигранность ритма, смысловая отшлифованность поражают. Строфы Ашыка Умера из-за своей легкости и читабельности создают ощущение некоей пронизывающей разум и сердце плавности, неопишуемой сладости.

Средневековье! Сколько в его поэзии неподдельной чистоты и откровения, сильных чувств и мистики, возвышенного и иносказаний, виртуозной архитектоники, наконец.

Пожалуй, отмеченный дестан Шакира Селима – программное полотно, которое посвящено размышлениям автора над реалиями последнего десятилетия Крыма прошлого столетия применительно к судьбе крымскотатарского народа, где преломляются личные и общественные мотивы. «Къырымнаме» получилось произведением многоплановым, которое доводит до логического конца ряд тем, рассматривавшихся в более ранних произведениях поэта (стихотворный сборник «Севги алеви» – «Огонь любви»). При отсутствии видимой сюжетной линии, дестан рисует собирательный образ своего народа, материалом для которого служат отнюдь не фантастические вещи. Вызванный событиями социально-политического характера «крик души» подстегивает поэта и призывает к откровению (вспомним стихотворение «Бар сеснен» – «Во весь голос»). Пафосное обращение поэта генерируется чувством своей ответственности перед историей. Дестан, несущий в себе историческую и философскую нагрузку, нацелен на то, чтобы подобно всевидящему оку, аналитически созерцающему свысока, увидеть наши уязвимые ментальные слабости и предупредить о них. В части «Къузгунлар» («Черные вороны») опасения автора за дальнейшую судьбу народа вызваны наличием среди нас тех самых «воронов», которые являют собой пример блаженного идиотизма:

«Къузгунлар бугунь де тынч-раат ятмай,
Истидат корьселер, отьлери патлай,
Менменликте эждат олюсин атлай.
Аля чокъучыны къайрай къузгунлар...
Тек сагълам емишни ашайлар къуртлар,
Дарма-дагъын олды ханлыкълар, юртлар.
Озюмизден чыкъкъан мийсиз манкъуртлар
– Арамызда юрьген къара къузгунлар
Къырымым, Къырымым, джан ве тенимсинь,
Эки дюньяда да сен тек менимсинь.
Бир парча топракъта бою-энимсинь –
Лятиме сокъулмаса олды къузгунлар...» [2, с. 16-17]

Использование таких элементов архитектоники, как джынас, редиф, аллитерация, изафетная конструкция, газельная форма и др. говорят об эрудированности поэта и склонности его к сохранению традиций тюркского стихосложения.

Оригинальный подход к теме: поэт строит дом на исторической Родине, каждый камень которого выложен заботливо, и с неподдельным вниманием посвящен конкретным людям – родителям, родственникам и тем, кто приближал день репатриации («Эв» – «Дом»). Эти камни весьма дороги его сердцу, они – словно безмолвные свидетели благодарности поэта-строителя за память о них. Некоторая минорность здесь понятна: былого уже не вернуть.

Однако, думать, что Шакир-ага, подобно А. Фету, всегда меланхоличен и погружен в тоску, вряд ли справедливо. Свойственные его характеру афористичность, по-отцовски вдумчивый стиль ведения диалога, свойственная художникам слова риторичность, манера забавничать, умение занять окружающих, естественно, сказались и на дестане «Къырымнаме». Часть дестана, названная «Судаклы ногъай» («Судакский ногаец»), убежден, никого не оставит равнодушным. Эта часть выгодно отличается от других тем, что рассчитана даже на рядового, немыслящего высокими категориями читателя. Извечная тема взаимоотношения степняков и южнобережцев находит свою развязку в шуточном ключе: приезд ногайца в Судак на своей арбе, груженной зерном, овсом и мукой, и дальнейшее развитие событий, связанных с его судьбой, раскрыто в доброжелательной форме и как бы лишено всякой натянутости. Здесь есть что-то от Мемета Нузета (1888-1934) – мастера эклога, создавшего в свое время ряд поистине неувядаемых лирических произведений («Зевкъыма кете» – «Наслаждение», 1927 г., «Къудалыкъ» – «Сватовство», 1927 г., «Койде къыш» – «Зима в селе», 1928 г., «Нишанлыма кеткенде» – «По дороге к моей помолвленной», 1928 г.) [4, с. 78-85]. Кстати, об этом поэте Э. Шемьи-заде написал следующее: «Мемет Нузет, взятые им из народного творчества драгоценные словесные алмазы, отполировав еще лучше, подобно бриллиантовым камешкам, нанизанным на женское ожерелье, мастерски нанизав их на стихотворные строфы и строки прозаических произведений, вернул своему народу» [5].

Еще свежо в памяти то торжество, когда Шакир Селим как представитель ногайского племени читал это стихотворение – стихотворение «Судаклы ногъай» на юбилейном вечере южнобережца Аблязиза Велиева, и зал, впечатленный и, видимо, необычайно удивленный искусству компромиссов поэта, долго рукоплескал:

«...Манъа кимсе ногъай демей,

Къыпыкъ ёкътыр козиомде,

Ничюн бойле олды экен,
Деп шашаман озюм де.

Мына бугунь кьаршынъызда
Къыпыкъсыз ногъай тура.
Бельки онынъ дамарында
Чель-Судакъ къаны ура...»

Обращение к указанной теме небеспочвенно. Вопрос о перво- или второ- степенности того или иного диалекта крымскотатарского языка иногда низводится до уровня «театра абсурда». Данный разговор вызывает особую неприязнь на фоне постепенного сужения круга общающихся на родном языке. А ведь как печально осознавать, что на современном этапе развития крымскотатарского языка формируется бездиалектный этнос, который лишается корней, подпитывающих его язык, рождает космополитизм, уничтожая колорит, своеобразие собственно языка и уникальность народа. Но, как известно, в каждой шутке есть доля правды. К ней наш поэт и прибегает...

Бывают произведения, которые мы называем «шахэсер» (т.е. наиболее оригинальное, удавшееся и возможно программное произведение). Такой частью рассматриваемого дестана мы бы назвали «Къырымлы шаирлер» («Крымские поэты») [2, с. 23-32], в которой Шакир Селим упоминает шестьдесят национальных поэтов, ушедших в мир иной. И не только упоминает, ибо почти каждая отдельная строфа (четверостишие) лаконично характеризует конкретного поэта и имеет законченный смысл. Беспристрастность в оценке творчества и личности – налицо. Для примера:

«Алтанълы – ал танъга алдангъан шаир,
Тили коммунистче баллангъан шаир,
Бош хаял ичинде саллангъан шаир,
Омрюне языкъ, деп янсакъ не олгъан?

Энвер Селяметтир энъ сонъки шаир,
Ондан сонъ шаир догъмады, хайыр,
Худам, оны бизден айрыджа айыр,-
Назына отъмекдай тойсакъ не олгъан?

Рахметли Бурнаш да чокъ сатыр язды,
Йиненен къуюсын нафиле къазды,
Ялынъыз бир къач шири саздыр,
«Сакъавланма кадйй»гъа кульсек не олгъан?»

Вывод. А в конце дестана автор информирует, что «Къырымнаме» даа битмей языла!» («Къырымнаме» имеет свое продолжение»). Оно и понятно: поэт должен выразить свою жизненную позицию в отношении тех проблем, которые звучат с настойчивостью аукционного молотка.

Список литературы

1. Бартов И.Г. Сквозь пелену времен.- Тверь.- 1998.- 268 с.
2. Селим Ш. Къырымнаме // Ыылдыз.- 2000.- № 6.- С. 3-33
3. Селим Ш. Бар сеснен // Ыылдыз.- 1986.- № 6.- С. 3-21
4. Юнусов Ш.Э. Крымскотатарская поэзия 20-х годов XX века: традиционное мировоззрение и меняющийся мир.- Симф.: Доля.- 168 с.
5. Шемьи-заде Э. Эс, таглы ель, талгын-талгын.- Ташкент.- 1974.- С. 24

Юнусов Ш.Е. Творчість Шакіра Селіма: проблеми поетики.

У статті на основі епічного сказу кримськотатарського поета Шакіра Селіма «Къырымнаме» розглядаються питання наступності, архітектоніки та авторської позиції.

Ключові слова: мотив, пафос, кримськотатарська лірика, збирчий образ.

Yunusov Sh.E. The Creative way of Shakir Selim and the problems of his poetic.

In the article on the basis of the lyrical poem by the Crimean-Tatar poet Shakir Selim «Krimname» the problems of poetic links, structural patterns and the author's idea are examined.

Key words: motive, pathos, Crimean-Tatar lyric, collective image.

Статья поступила в редакцию 16 марта 2007 г.